

А.М. Фофанов
К.В. Климентьев

Седьмой

18+

Клим Климентьев

Седьмой

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Климентьев К. В.

Седьмой / К. В. Климентьев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Что будет, если смешать тотальное одиночество, острый ум и зудящее чувство мести?

© Климентьев К. В., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

ПРОЛОГ	6
Зал суда	10
1 сентября 2005 года	12
3 сентября 2005 года	15
10 сентября 2005 года	16
21 сентября 2005 года	17
3 октября 2005 года	18
5 октября 2005 года	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

СЕДЬМОЙ

Удар за ударом по ребрам.
Твое дыхание весьма условно.
Удар за ударом по сердцу.
В твой мирок давно сорвали дверцу.
Давай по роже, еще чуть-чуть.
Ты не сможешь никогда уже свернуть.
Меть в центр, туда, где болит,
Где швы не сойдутся, где и так горит.

ПРОЛОГ

Черт! Здесь все когда-то началось. И через несколько часов закончится. Прямо не верится. Возмездие вступит в свою силу. Кара всегда достигает тех, кто виновен. Рано или поздно, но это случается. Никто не может безнаказанно творить безобразие, всегда находится тот, кто накажет виновных. В данном случае я. Каратель? Хм... Не думаю, что могу называться так. Кто такой каратель? Тот, кто вершит справедливость, во что бы то ни стало – найти и наказать виновных. А что творю я? Я творю хаос. Кто дал мне право так делать? Я же сам такой же, как и он. Как они... Где мой каратель? Как я могу отличаться от них, если творю такое? Но моё наказание будет позже, а пока надо сконцентрироваться на Глебе. Он последний. Он главный. Много страданий они принесли людям. Держали в страхе многих. Для таких людей, как они, нет понятия справедливость или нравственность. И с ними нужно обращаться их же методами. Но я сильно не опускаюсь, не замараю руки об это дерьмо – мне противно.

Ну, да ладно. У меня будет время подумать. А сейчас нужно сконцентрироваться на происходящем.

Комната готова для приема гостей. Все на своих местах. Я долго думал, что же с ним сделать. Просто избить? Убить? Покалечить? Немного не то, что хотелось бы. Мне нужны его муки, его боль.

Положив веревки на парту, я закрыл кабинет и вышел за дверь. Закрывая ключом дверь, взгляд упал на табличку: «3б. Кабинет химии». Какой странный феномен. Двойственные чувства: с этого кабинета одновременно начался кошмар моей жизни и любимое хобби, без которого я бы давно свихнулся. Ирония судьбы... Любовь Рудольфовна, учитель химии, всегда видела во мне способного ученика. И всегда, когда я спрашивал про те или иные вещества, она рассказывала, не задавая лишних вопросов. Она и сейчас мне помогла, не зная того сама.

Кабинет химии находится в конце коридора, немного за углом. Рядом лаборатория. Я прошел по длинному коридору и осмотрелся. Никого нет. Отлично. 1 сентября проходит успешно: линейка кончилась, счастливые и опечаленные школьники разбрелись по домам в преддверии завтрашней учебы, а мне надо закончить свой план. Спустившись по дальней лестнице, я вышел со школы через пожарную дверь. Слава богу, что замки никогда не меняют, уже много лет один и тот же.

Уже на улице я посмотрел на школу. Господи, как же давно я тут не был. И никакой ностальгии, скорее наоборот – меня воротит от воспоминаний.

Белый Фольксваген Транспортер преданно ждал меня у забора. Школа стояла так, что сбоку лес без тропинок (разве что маленьких, ведущих к школьной курилке), спереди дорога. Люди тут не ходят, так как за лесом только-только строится дом, в школе, кроме охранника-старика, никого нет, поэтому можно смело делать все и не прятаться. И никто никогда не узнает, что я собираюсь привезти сюда вскоре.

Сев в машину, я посмотрел на часы. 17:23. Рано пока что. Глеб встречается с барыгой в 18:30 у старой церкви. Наркоманы... Чего же людям не хватает, что они садятся на иглу?! Риторический вопрос... Билет в один конец. Почти...

Извилистая дорога не давала задуматься, приходилось сильно и постоянно вертеть рулем. Не прошло и 15 минут, как показалась та самая церковь. С Глебом будет проще всего. Он наркоман, загнанный в угол. Он боится. Поэтому, приобретя дозу, далеко не уйдет и, скорее всего, в развалинах церкви и вмажется. Там я его и возьму. Отлично. Сложность придает факт, что я в розыске. Но меня не найдут. Точнее найдут, но позже. Не сейчас. За Глебом они в любом случае следят – он же последний. Шерлоком Холмсом не надо быть, чтобы понять, что я приду за ним. Эти мысли меня рассмешили. Видимо это нервное.

Впервые за неделю я задумался о будущем. Что будет дальше? Меня посадят – это однозначно. Но на сколько? Убьют при задержании? Или потом? Мне все равно. Главное, чтобы план свершился. Я слишком долго ждал.

Развалины церкви не давали думать, в голове вспышками появлялись всё новые и новые воспоминания. Я вспомнил очкарика Юру. Бедный Юра... Ему почти полностью переломали кости. Сколько же он мучился, прежде чем умер? Час? Два? Сутки? Жуть... Он был хорошим парнем и не заслужил такой смерти.

Подкурив сигарету, я вышел из машины и обошел церковь вокруг. Подошел к тому месту, где нашли Юру. Естественно, следы крови за столько лет стерлись. Но все равно чувство, будто это было совсем недавно. Я огляделся. Тихо. Никого нет. Вдруг сзади что-то щелкнуло. Я рефлекторно упал на землю, всматриваясь в кусты. Это барыга пришел раньше. Странная личность. Вроде приличный тип, но что-то в нем мерзкое. Куртка, джинсы, кроссовки – как у всех. Но что в нем такого? Дурь продает. Мразь. И я опять вспомнил тот случай на заводе, когда впервые попробовал травку.

Глеб не заставил долго ждать. Но почему-то пришел в робе дворника из ЖЭКа. Они молча обменялись чем-то и разошлись по сторонам. Вроде нет ментов с ним. Странно, но хорошо. Мне так лучше. Не надо отбивать его от них.

Как я и рассчитывал, Глеб далеко не ушел, и в этой же церкви пустил по венам наркоту. Когда я подошел, он даже говорить не мог, да и не соображал вообще, его глаза смотрели куда-то вверх, эйфория, видимо. Быстренько забрав его и кинув в машину, я уехал в сторону школы...

...Все идет по плану.

Я много думал об этом моменте. Он лежал связанный. Мне не верилось. Весь мой долгий путь, усыпанный только болью и ядами, подошел фактически к концу. Все равно я себе не так это представлял.

–Что Глеб? Что такое? Тебе не комфортно? Ах, да прости, ты связан. Поверь, это еще не самое страшное, – я замолчал. Пульс участился, воздуха не хватало. Это не страх, нет. Это экстаз от финала. Я посмотрел на Глеба. Тысячу раз я прокручивал в голове этот диалог, но сейчас сценарий идет не по плану. Это жизнь. – Мне вот только не понятно, почему? Чем мы тебе мешали?

Его глаза. Это стоит видеть. Глаза, наполненные страхом и наркотиком. Адская смесь. Но мне не нравилось, что он был под кайфом. Я хотел, что бы он по-настоящему понимал, что с ним происходит. Плюс ко всему я не знаю, как подействует яд, если в теле Глеба будет героин. Надо очистить его разум, чтобы он соображал, что происходит с ним, чувствовал боль и, главное, отчаяние. Хм, какой же я все-таки расчетливый. Ни одной оплошности. И сейчас. Приготовил другой наркотик, который даст ясность его сознанию. Мне прямой путь в Гарвард куда-нибудь. Но я пошел по другой тропе.

Достав из кармана маленький пакетик с порошком, похожим на кокаин, я насыпал в ладошку и поднес к его носу.

– Нюхай, вдыхай глубже, – прижав ладошку к носу и рту, я убедился, что достаточное количество вещества попало в организм. По идее пару минут и он трезв. Ну, по крайней мере, его мозг будет соображать.

Я судорожно посмотрел на часы.

–У нас с тобой, Глебушка, есть пять минут, так что давай по конструктиву, – выждав пару минут, я ввел ту самую сыворотку, которую разрабатывал очень долго, годами шел к этому идеальному составу. Это мое детище.

Я видел, что он начал испытывать боль и страх, что подействовали оба препарата. Его ломало, но он готов был на все, лишь бы сохранить свою никчемную жизнь. Он мямлил. Я и

половины не понял. Даже цитировать его противно. Я снова взглянул на минутную стрелку и понял, что пора покончить с этим раз и навсегда.

– Знаешь, Глеб, таких, как ты, надо истреблять. Как насекомых. Естественный отбор сам бы сделал своё дело, но это надо ждать, чего я не хочу. Ты лишний в этом мире. Жаль, что твоя мать не сделала аборт или тебя в детстве не сбила машина, – я тяжело вздохнул, переводя дух, и продолжил: – тебе хотя бы перед смертью сказать что-нибудь хочется?

Он зарычал. Я понял, что он несчастней, чем я. Несчастней, чем мы все. Но я так же понимал, что это просто тяга к жизни. Все эти годы, я степенно шел к этому исходу. Оставив его в живых, он продолжал бы колоть в себя героин, он продолжал бы разбойничать, а его задницу всегда кто-нибудь прикрывал. Так этого оставить нельзя. Именно поэтому сейчас нет места для жалости.

– Прощай Глеб, – я решительно направился к выходу, но на мгновение остановился, – кстати-ка, ты знаешь, яд, который сейчас разносится по твоему организму, я не тестировал. Одно знаю точно, свертывание крови начнется через 24 часа. А до этого тебе будет больно. Очень больно. Ты даже не догадываешься, что тебе ждет в ближайшие сутки. Ты будешь мечтать умереть.

Вот и всё. Всё заканчивается. Я подкурил, глубоко затянулся и медленно выдохнул. Где-то далеко послышалась сирена.

– Сомневаюсь, что тебе антидот везут, – я громко рассмеялся, но тут же продолжил совершенно серьезно, – это тебе за всё. За меня, за таких же, как я, за Свету. Света...

Глаза наполнились слезами. Стало грустно от всего, что было. А было много. Сколько судеб я загубил? А сколько спас? Не мне решать...

Быстро выбежав из школы, я побежал в сторону леса.

Дело сделано. Но я не понимаю, что происходит. Я вроде бы доволен, что все кончилось, но ничего приятного я не ощущаю. Куда я иду? Меня все равно поймают. Надо было остаться в школе. По крайней мере, на одну проблему меньше – не нужно бегать. Точнее уже на две проблемы меньше, ведь Глеб и его друзья получили по заслугам.

Я прошел через заросли леса, полностью испачкав обувь. Выйдя на асфальт, я остановился. Куда идти? Где меня ждут? Я вдруг понял, что одинок в этом мире. Теперь даже Юля оттолкнет меня. И я пойму ее. Зачем я вообще появился на свет? В чем моя миссия? Ведь каждый человек рожден для чего-то. Чтобы после себя что-то оставить. Что оставил я? Гору трупов, море всяких ядов? Не самая лучшая жизнь. Хотя я и не выбирал. Просто пришел и вскоре уйду. Но куда? В тюрьму? Я не хочу. Теперь мне стало понятно, что я боюсь. Раньше я не признавал это, но теперь боюсь. Да, мне надо сдать.

Хотя я могу закончить все прямо сейчас. У меня есть с собой еще один шприц со смертельным зельем. Закончить жизнь самоубийством? А что дальше? Ад? Все самоубийцы попадают в ад. Без шансов и вариантов. И я тоже? Конечно, и я попаду. Хотя если меня собьет машина или я упаду и сломаю шею, то я все равно попаду в ад. Сомневаюсь, что за список моих грехов меня отправят в рай. Рай... Ад... Что за бред? Если они вообще есть. А если и есть, то неужели он хуже того ада, в котором я жил?

Я закатал рукав чуть выше локтя и немного похлопал по венам. Достал шприц. Мое сердце начало сильно колотиться. Воткнув иглу в вену, я уже собирался ввести жидкость, как вдруг вздрогнул от голоса сзади:

– Не надо, чувак. Это убьет тебя, – я обернулся и увидел молодого парня, лет двадцати семи. Он был в потрепанной куртке, немного засаленных джинсах. На его лице явно можно прочитать, что он наркоман со стажем. – Я вот пытаюсь соскочить с иглы. Это сложно.

– Не лезь ко мне, – дерзко ответил я и отвернулся.

– Да я-то не лезу. Просто помочь хочу.

– Мне не нужна помощь.

– Она всем нужна, чувак, только никто этого не признает. Они думают, что на них замкнулся круг. Но это не так. Нет безвыходных проблем. Просто надо найти выход, – его голос был каким-то теплым.

– Выход? В последнюю неделю я убил семь человек. Где найти выход из этого?

– Убил семь человек? Хм... – он странно уставился в землю и замолк.

– Вот и ты не видишь выход. Что мне остается?

– Выход всегда есть, чувак. Помни это, – он посмотрел на меня, подмигнул и ушел также внезапно, как и появился.

А я остался стоять у дерева с воткнутым шприцем в вену. Твою мать, откуда он взялся? Я только что мог со всем этим покончить...

ГЛАВА 1

Humanitatem ad pacem.

Зал суда

– Всем встать! Суд идёт!

Суд... Идет... Меня всегда забавляла эта фраза. "Суд идёт"... Сам процесс или судья? Так их трое! В одинаковых мантиях, но без париков. А жаль. Парики белого цвета на суровых мужиках выглядят забавно. Хотя сейчас мне не до смеха. Меня судят за шесть убийств...

Первый процесс. Сколько их будет? 5? 15? Не знаю. Но знаю, что много. Сколько мне дадут лет? Двадцать пять или восемнадцать. Не важно. Я сотворил страшные дела и теперь мне придется всё отрабатывать по полной, как говорится. Я готов. Страха уже нет давно. Как и нет сожаления. Есть гордость. Гордость того, что шесть человек, если их так можно назвать, которые мешали жить другим, больше нет. Точнее есть пять, но они уже никого не тронут и ничего не сделают. Что могут сделать инвалиды или овощи? Хотя они скоро тоже умрут, если не умерли уже. Мне не сообщили. Но пока они живы, единственное, что они могут – обмочиться под себя. И эта мысль греет душу. А еще греет их взгляд, последний взгляд на меня. Загнанный, испуганный взгляд. Парадокс, но сильные вроде люди, с садистскими наклонностями, если их немного прижать, становятся слабыми трусами. И наоборот – слабые люди способны сделать невероятные вещи. И я это сделал. Да! Я трус. Но это трусость прошла. Видимо у всего есть предел, как у стакана, в который заливаешь воду. Вода, подойдя к краям стакана, выходит за пределы сосуда. Так и я. Мой страх вышел за свои пределы. И кончился. Нет больше страха. Но он был, еще как был. С самого детства.

В суде прохладно, но я все равно потею почему-то. Оторвавшись от своих мыслей, я начал вникать в суть слов. Прокурор что-то говорил – я прослушал. Потом еще кто-то, я даже не знаю его. А потом моя тетя. Тетя... Как же она меня бесит. Отправил бы я ее тоже в больницу, но я же не зверь. Наверное.

Она говорит о гибели моих родителей, даже, тварь, слезу проронила, будто любила их. Потом взяла меня к себе и усыновила. Спасибо, конечно. Всё ничего, но почти каждый год менять место жительства – это слишком.

Говорит, что я рос замкнутым ребенком, неконфликтным и ведомым. Вот стерва! Зачем она так? Она же сама меня шугала!

– И вот в 2005 году Аристарх пошел в 111 школу. Нам сказали, что это хорошая школа с техническим уклоном. Он тогда так обрадовался, ведь химия был его любимым предметом, – она замолчала, переводя дух. Тут она права, я очень тогда обрадовался. И школа сильная, и направление нужное. – Я спросила его о первом учебном дне. Ну, как его приняли в школе, какие ребята там, что интересного было, но Аристарх просто сказал, что всё нормально и ушел в свою комнату.

– И вы на этом успокоились? Даже не стали расспрашивать больше? – вмешался прокурор. Справедливый вопрос.

– Нет, ну, что вы. Я каждый день интересовалась делами в школе. Мне действительно интересно было знать, как и с кем он проводит время.

Я аж тронулся заботой. Уморно слышать. Да ей чхать на меня хотелось! Не знала, как избавится от меня скорее. Сколько раз я приходил весь избитый, а она даже не спрашивала, что случилось со мной. Но я уже почти не сержусь на нее. Даже есть, за что ей спасибо сказать. Она купила мне квартиру, как только я ушел в армию, и выгнала из своего дома. И за много лет впервые мы встретились тут. Заботливая тетя!

– Не понимаю, как могло произойти, что Аристарх решится на такое, – она громко заплакала, давая понять, что говорить больше не может. А жаль, я б послушал. Всегда интересно выслушать лицемерное мнение. Ну, да ладно, кто там следующий? Мой работодатель. Любо-

пытно. Хотя нет, он ничего плохого про меня не скажет. Не знает попросту. Работал я хорошо, проступков нет, даже в отпуск уходил только дважды. Несколько лет назад, чтобы съездить на 20 годовщину смерти родителей, и сейчас. Я просто образец идеального работника. Правда, я библиотекарь. Когда я тете сказал, что иду работать в библиотеку, она ответила, что моих мозгов дауна только на это и хватает. А мне нравилась моя работа.

– Его сектор всегда был в чистоте. Знаете, я уже почти 25 лет заведу библиотекой, но такого работника у меня не было. Ни на одной книжке не было пылинки даже. Это же с какой педантичностью надо работать, чтобы на книгах не было пыли? На него никто не жаловался, не было и с его стороны конфликтности. Аристарх Борисович всегда приходил на помощь коллегам и мне. Я не верю, что он это совершил, – его голос дрогнул. Этому старику и вправду меня жаль. Пожалуй, он один из немногих, по кому я буду скучать. – Я не знаю, что еще добавить.

Затем были соседи, коллеги, участковый, муж тети, дочь тети. Зачем они их вызвали-то вообще? Что они могут сказать здорового? Бред какой-то!

А теперь они вызвали меня. Хотят меня слышать. Ладно, пусть слушают.

Я встал за кафедрой и посмотрел на судей. Их взгляды... Да уж, им абсолютно все равно на меня. Они хотят, чтобы очередной рабочий день закончился. Переведя взгляд вправо, я увидел присяжных. Вот мои судьи! Они меня будут судить.

– Расскажите, что вас натолкнуло на преступление, предусмотренное частью 2 статьи 105 и частью второй статьи 121 УК РФ, по отношению к Матюсову Глебу, Матюсову Александру, Долинову Сергею, Севастьянову Максиму, Степанчук Алексею и Утесову Денису, – прокурор сказал это на автомате, будто с детства так говорит по сотни раз в день.

– Ваша честь! Господа присяжные заседатели! Можно я начну с самого начала? Ну, не с детства, конечно, а с того момента, как я перешел в 11 класс в эту школу. Это был 2005 год, первое сентября. Тетя меня привезла к парковке школы...

1 сентября 2005 года

Когда человек часто переезжает, то поневоле привыкает к новым знакомствам, новым друзьям, новой обстановки. Но не я. Сложно мне подойти к незнакомому человеку и просто поздороваться. Комплексы? Нет, не думаю. Я не знаю, как это назвать, это трудно. Я поменял шесть школ, это седьмая. И в каждой из шести я был не то чтобы изгоем, но и не своим. Все-таки моя скромность оставила оттенки на моем лице и люди обходили стороной, а вот неприятности бежали всегда в ногу со мной.

К этому приложила усилия и тетя. Постоянные крики, что я делаю все не так, когда все так. А когда и вправду не так, то я не просто криворукий идиот, но еще и жертва несостоявшегося аборта. Ей все равно, что она родная сестра моей матери, и могла ее оскорбить легко. Она считала, что в моих недостатках виновата моя мама, которую я уже и не помню. У меня даже фотографии родителей нет, тетя сказала нечего хлам хранить и выкинула все фото родителей.

Сама она работала физиком в какой-то крупной компании, отчего и вызваны постоянные переезды – командировки для нее вещь естественная.

И вот новая школа. Тетя привезла меня на парковку школы и, сказав "сваливай", быстро уехала. Ну, что же, новое начало старой песни. Школа. Хотя надо отметить, что эта школа выглядела немного странно: немного готический стиль здания, большие входные двери и лес вокруг, кроме одной стороны, куда и ведет дорога. Даже спортивная площадка где-то в стороне от самой школы.

– Чего встал на проходе, придурок, – услышал я сзади, но не успел обернуться, как получил толчок в спину, от которого еле устоял на ногах. Три парня прошли мимо меня, как будто ничего и не было. Да уж, первый день в новой школе, добро пожаловать Дёмин...

...Как только я зашел в новый класс, то увидел тех троих, что толкнули меня. Именно в тот момент я понял, что это плохой знак, но ничего, прорвёмся. Наивно подумал я.

Завуч что-то начала говорить учителю, но я их не слушал, моё внимание привлекла девушка со светлыми волосами и серыми глазами. Я впервые видел настолько серые глаза, с огоньком внутри, который улыбается, глядя на меня. Ее звали Света Доронина. Моя новая одноклассница. Она отличалась от всех девушек, что я видел. В тот момент я подумал, что это любовь с первого взгляда, но, зная себя, понимал, что ничего из этого не выйдет и не перейдет дальше дежурных фраз.

Класс был небольшой, человек 20 где-то. Среди всей серой массы одноклассников можно выделить некоторых, судьбоносных ребят: Глеб Матюсов – местный бандит, частый клиент детской комнаты милиции, заводила, глава всех школьных банд, ни одна пьянка или драка не проходила мимо него, он везде на передовой и именно он меня и толкнул у школы; Сергей Долинов – редкостный подхалим, дистрофичного вида, с засаленными волосами; Максим Севастьянов – боксер-неудачник, которого не пускают на ринг в связи с особой жестокостью по отношению к противнику, хотя он гордится этим; Алексей Степанчук – у него явно проблемы с лишним весом, хотя комплексами он не одарен; Денис Утесов – настолько наглый, что перед завучем сидит с сигаретой за ухом. Все эти личности лучшие друзья, которые горой друг за друга. Некая местная банда, развлечение которых – издеваться над другими.

– Дети, познакомьтесь, это Аристарх Дёмин, наш новый ученик, будет учиться с вами, – радостно и громко сообщила завуч.

– Ха! Аристарх! Я бы так собаку даже не назвал, – съязвил Утесов.

– Да, да, точно, – подхватил Степанчук.

– Так! Поговорите мне еще, – предприняла жалкие попытки учительница, но смех все равно прошел по классу.

Первые пять уроков на меня никто не обращал внимание. Даже никто не заговорил ни разу, кроме учителей. Да мне и не надо было разговоров. Мне достаточно и этого. Весь день я наблюдал за Светой, которая на меня даже не смотрела. «Вот моя участь – смотреть со стороны», – подумал я тогда. Я смотрел, как Света говорит, улыбается, слушает, отвечает у доски. Она прекрасна. Ради таких девушек стоит быть рыцарем.

Начался последний урок – химия. Мы пришли в кабинет 36, где нас встретила улыбающаяся Любовь Рудольфовна, учительница одноименного кабинета. Мне она сразу понравилась. Как только я вошел в класс, она сразу со мной познакомилась, мы немного пообщались. Я ей сообщил, что химия мой любимый предмет, и она пригласила меня на дополнительные курсы по химии три раза в неделю. Конечно же, я охотно согласился.

Урок начался нормально. Небольшие задачи, формулы, примеры, лабораторные. Ближе к концу урока, Любовь Рудольфовна раздала самостоятельные работы. Кто-то писал, кто-то думал, за исключением компании Глеба. Они переговаривались и ржали над чем-то. Тишину нарушил сам Глеб, спросив:

– А что такое C_2H_5OH ? Что-то не припомню такого, – сказал он и рассмеялся на весь класс.

– Дети, кто знает, что это за формула, – тихо спросила учительница.

– Это спирт, – как-то на автомате вякнул я.

– Правильно, стыдно не знать...

– А чё, часто пробуешь, раз знаешь? – перебил учителя Глеб со смехом.

И тут мне надо было промолчать или отшутиться, но я почему-то решил, что нельзя оставлять это так.

– Нет, а ты?

– Что ты, мразь, сказал?

Черт! Я понял, что ляпнул лишнего. Сильно покраснев, я окунулся в свою задачу. Любовь Рудольфовна начала кричать на Глеба, сказав, что пожалуется на его поведение директору. Он начал огрызаться, но я уже не слушал. Я сильно жалел, что спросил это. Блин! Дерьмо...

...Уроки кончились, и я уже собрался домой. Коридоры опустели. Я встретил Любовь Рудольфовну, которая мне рассказала о дополнительных занятиях. Мне понравилась эта идея, я обрадовался, что смогу заниматься любимым делом. И плюс еще тому, что я кому-то не безразличен, кто-то хочет моего общества.

Я проводил учителя химии до входных дверей, когда меня окрикнул по имени какой-то парень. Я его не знал и не видел раньше. Темненький, немного младше меня, худощавый, но со звериным оскалом. Он сказал, что меня зовет завуч и сказал, что проводит меня. Я сказал хорошо, не подозревая, что меня ждет.

Мы были около учительской, но почему-то мы шли немного в другом направлении. Я увидел открытый кабинет химии и удивился, ведь Любовь Рудольфовна при мне закрыла его и ушла. Незнакомец зашел в этот кабинет, я последовал за ним. И только переступив порог, понял, что это подстава и ничего хорошего не произойдет.

– Значит, говоришь, спирт не пьешь? – прошипел Глеб, смотря прямо в глаза.

– Нет, ре..., – мое горло пересохло мгновенно, – ребят, я не то имел в виду.

– Да, я знаю, – сказал Матюсов и ударил меня в живот. Я начал жадно хватать воздух ртом. Не удержавшись на ногах, упал. На меня посыпались удары со всех сторон, но били не сильно, видимо боялись оставить синяки. В какой-то момент все прекратилось. Я уже подумал, что они ушли, когда почувствовал запах водки. Нет! Что они собираются делать?

– Сейчас ты это выпьешь! Если нет, то тебя мать родная не узнает!

Я не хотел пить водку, тем более я ее не пробовал. Но выхода мне не оставили – двое держали мои руки, а один взял со стола учителя воронку и вставил мне в рот. Как только воронка была во рту, Глеб опрокинул бутылку, я сразу почувствовал, что противная жидкость

потекла мне в рот. Это был очень неприятно, хотелось кашлять. Странно, но я проглотил все до капли, почти залпом. Когда они убрали руки и воронку, я начал сильно кашлять и плевать на пол. В животе стало очень горячо, но горло сильно сушило.

– Хороший мальчик, – сказал Глеб, смеясь во все горло. – Если скажешь кому-нибудь что произошло тут, то я из тебя бифштекс сделаю!

Вот так прошел мой первый день учебы! Домой я пришел пьяный и немного избитый, на что тетя сказала, что я даже не удивил ее своим поступком – она всегда знала, что я только это и могу.

Размышлять мне тогда вообще не хотелось, я просто лег спать, под крики тети...

3 сентября 2005 года

Этот день мне запомнился навсегда по четырем причинам. Любовь Рудольфовна провела первый дополнительный урок по химии. И меня это впечатлило. Я узнал много интересных фактов, формул и соединений. Еще Любовь Рудольфовна сказала, что неплохо было бы еще на дополнительные по биологии сходить, которые идут в тот же день, что и химия, но позже. На уроках по биологии я открыл для себя еще одну страсть всей жизни: змеи, пауки, скорпионы. Не знаю, почему они меня так привлекли. Возможно, потому что такие маленькие существа могут одним ударом или укусом убить кого-то, кто намного больше их. Скорее всего.

После занятий, эмоциональный и веселый я собрался домой и встретил Свету, которая сама со мной заговорила, тем самым предотвратила мою неловкость. Мы говорили несколько часов, я узнал много интересного о ней, о ее семье, о школе в целом и о Глебе. Как оказалось, он из не совсем благополучной семьи. Его отец мент. Его никогда не бывает дома, он всегда занят, а мать, которая постоянно в запоях, не живет с ними. Отец, когда узнает о проделках сына, сильно избивает его, но других мер не предпринимает. Получается Глеб и Саша, его родной брат, предназначены исключительно сами себе. Поэтому и творят такие дела.

Я не стал Свете говорить о своем первом дне, но она предупредила, что связываться с Глебом и его друзьями нельзя. Глеб жестокий человек, который ничего не боится и не останавливается ни перед чем.

Чуть позже я понял это в действии. Когда мы со Светой попрощались, я забежал в школьный туалет и наткнулся на Глеба с его друзьями. Короткий диалог, пару ударов и моя голова оказалась в унитазе. Один из них нажал на кнопку смывного бочка, и я стал мокрый в одночасье.

Не понимаю, чем я вызвал такой гнев с их стороны, но мне было в тот момент очень обидно и стыдно за себя, что не могу ответить.

А еще страшно от того, что если эти ребята так запросто могут искупать в унитазе человека, то на что они способны еще.

Домой я пришел в полной растерянности. Но именно в тот день я пообещал себе, что отомщу им при первой возможности. И неважно когда эта возможность появится: завтра, через неделю, месяц, год, семь лет – я отомщу!

10 сентября 2005 года

Как и все предыдущие дни, в которые легкие удары, толкания, издевательства стали в порядке вещей, сегодня был день, принесший мне только разочарования. Сашка увидел меня на перемене и отозвал в сторону. Как только мы зашли за угол, он сразу начал меня избивать. По голове, животу, ногам – везде, куда приходилось. Я упал, а он начал бить ногами. Бил долго и больно. Я просил не делать этого, но он все равно не останавливался, пока не послышался голос сзади:

– Хватит! Убьешь еще ублюдка, – это был Глеб, который с улыбкой смотрел на меня, лежащего в крови на полу лестничной клетки.

– Ты всё понял, тварь? – спросил Сашка, глядя на меня.

Честно говоря, я никогда не понимал того, что должен был понять в тот момент. Оставшиеся уроки я прогулял, долго умывался в туалете, а потом ушел домой так, чтобы меня никто не видел в таком состоянии. Тетя увидела кровь на рубашки, но даже не удосужилась спросить что это и откуда. Тварь!

Синяки и ссадины проходили около двух недель.

21 сентября 2005 года

Я стал боксерской грушей для этих отморозков. Постоянные синяки стали нормой. Я не мог спокойно пройти по коридору, зайти в туалет или же просто слушать учителя. Мне постоянно писали записки с текстом угрожающего характера. И, что самое печальное, я ничего не мог сделать. Мне было больно и обидно, но изменить ход событий я не мог.

В этот день к нам привели новенького. И у меня в глазах зажглась искра. Вдруг они забудут про меня, а свое внимание переведут на этого очкарика, Юрия Кутузовского. Он был немного младше меня, да и сам по себе выглядел намного младше.

Но мне в очередной раз не повезло – Юру они тоже стали избивать, но и про меня не забывали. Их даже забавлять начало, что можно бить сразу двоих. Родители Юры были всегда на работе, а свои побои он объяснял тем, что записался в группу по карате и это естественная часть занятий, пока не научишься защищаться.

Обычно друзья по несчастью сближаются, но Юра на меня смотрел так, будто я виноват в этом. Виноват в том, что не могу дать сдачи обидчику, виноват в том, что не могу защитить и его, маленького забитого мальчика...

3 октября 2005 года

Сегодня нам пришлось проходить медицинский осмотр для военкомата. Все девочки из класса остались учиться, а мы пошли в местную поликлинику.

Один за другим одноклассники ходили по разным кабинетам с личным делом, в которое врачи что-то писали. Все врачи мне написали, что я здоров и годен к воинской службе. А я был и не против, вдруг это мой шанс найти себя по жизни и научиться отвечать обидчикам. Вдруг армия меня сделает настоящим мужиком, каковым я сейчас не являюсь.

Я прошел всех врачей, кроме психиатра-нарколога. Веселый старичок глуповатого вида задавал дурацкие вопросы, а я на них отвечал. Немного скованно, но судя по его лицу – по существу. Врач что-то записал и попросил немного подождать. Затем вышел из кабинета и закрыл дверь. Я начал осматриваться по сторонам. И вдруг случайно увидел на столе личное дело с надписью «Глеб Матюсов». Мне стало так интересно, что я открыл папку на последней странице и ахнул от прочитанного в заключении:

«В связи с выявлением Гебефренической формы шизофрении в ранней стадии... также выявлены другие психические расстройства... признать негодным к прохождению воинской службы...».

Глеб не годен к прохождению воинской службы! Вот это да! Такой человек, как Глеб, готовый растерзать всех, не годен... Я был потрясен. В моей голове не укладывалась это. Я знал, что он не ходит на физкультуру, но я думал, что ему просто не хочется или, как говорит он: «западло ходить на все уроки».

После военкомата все собрались у здания. Были все, кроме Глеба. Я встал в стороне, около Юры, который читал книгу. Я хотел с ним поговорить, но диалога так и не состоялось.

– Ну что, брат? – услышал я голос Лехи. Глеб вышел на крыльцо.

– Да хоть в ВДВ! Здоров, как бык, – сказал гордо он.

Да уж. Он даже никому не признался, что болен. Я плохо понимал, чем он болеет, но то, что по этой причине не берут в армию, значит серьезное заболевание. Глеб решил сохранить это в тайне. Мне в тот момент захотелось закричать во весь голос, что Глеб болен и его не возьмут в ВДВ! Что ему вообще белый военный билет дать могут! Но я боялся, что Глеб меня убьет потом за это, именно поэтому и промолчал.

После обеда я пошел на дополнительные занятия по биологии, куда ходил и Юра. Мы проводили лабораторные исследования со змеями. Это интересно. Мне начали нравиться эксперименты с ядами. Учительница рассказала, что один грамм яда индийской кобры способен убить около 140 собак средних размеров. В тот момент я захотел завести такую змею дома.

После урока мы пошли с Юрой домой. Странно, но на неприятности мы не нарвались. Я очень захотел рассказать Юре об увиденном в военкомате. И рассказал. Он долго смеялся, но пообещал, что никому не расскажет. И я поверил ему. Зря.

5 октября 2005 года

После уроков ко мне подошел Сашка и сказал, что меня ждет Глеб. Неохотно я пошел за ним – все равно от них не сбежишь. Мы вышли со школы, и пошли в лес.

– Зачем мы в лес идем? – поинтересовался я.

– А тебе какая разница, где быть избитым? – Засмеялся он и пнул ногой мне под задницу. Я поежился от боли и побрел вперед, опустив голову вниз. Сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Метрах в ста от входа в лес нас ждала вся компашка в сборе. Я не сразу заметил Юру, который лежал на земле у дерева. На его лице была кровь.

– Мы кое-что придумали для вас, – заявил Ден.

– Вы даже не представляете, какое веселье вас ждет, – потер руки Серега.

Макс поднял Юру с земли и поставил на ноги. Леха подошел к нему вплотную и ударил палкой по обратной стороне колен, от чего Юра упал, громко крикнув.

– Да погоди ты, у них силы должны быть, – Глеб протянул руку Юре, который неохотно взял ее, но, только встав на ноги, получил удар в грудную клетку. Глеб засмеялся, заражая смехом остальных, а Юра опять упал на землю. – Ладно, дело к вам. Сейчас вы оба будете драться. Победит тот, кто отправит второго в нокаут, – он опять засмеялся. Подкурив сигарету, продолжил, – а если вы откажитесь, то я вас буду избивать, пока вы в больничку не попадете.

Я стоял в нерешительности и боялся даже дышать. Я не могу ударить никого – это не по мне. Да и тем более Юру, беззащитного мальчика, который вряд ли будет меня бить. Если бы можно стать невидимым, я бы воспользовался этим. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

– Да пошли вы!

Я подумал, что ослышался. Нависла угрожающая тишина. Юра явно переборщил. Так нельзя было говорить, они теперь его точно в больницу отправят. А он лежал на траве, вытирая слезы рукавом.

– Что ты сказал? – Глеб немного опешил от слов Юры. Он привык, что его слушаются сразу.

– Я сказал, что пошел ты! Тебя даже в армию не берут, шизофреник долбаный, – по Юре было видно, что он, как говорят психологи, в состоянии аффекта. Его лицо стало злым, кулаки сжались, в глазах виднелась ненависть.

– Глеб, а это он про что? – тихо спросил Макс.

Глеб не ответил на вопрос. Он поднял с земли большую палку и ударил Юре по голове, который в этот момент побежал на него. От удара очки слетели с лица, а сам он упал на землю и бездвигательно лежал секунд десять.

– Пошел вон отсюда, – зло прошипел мне Глеб. Я не стал искушать судьбу. Подорвался с земли и побежал. Бежал без остановки почти до самого дома. Я понял, что Юре будет плохо. Его избьют очень сильно. Мне хотелось плакать, но слезы не шли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.